

САМЫЙ НАДЕЖНЫЙ В ЭКИПАЖЕ

Очень трудно писать о друге. О настоящем друге. Когда мне предложили написать о нем, я с опрометчивой легкостью согласился: как же, знаю его более трех десятков лет!.. И только за письменным столом, положив перед собой стопку бумаги, задумался, споткнувшись на первой же фразе «Мы с Жорой...». Ну, какой же он «Жора» — он народный артист СССР, лауреат Государственной премии Георгий Степанович Жженов! Но и «мы с Георгием Степановичем...» тоже звучало как-то искусственно и никак не отражало наших взаимоотношений.

Поехал к нему, и вот мы сидим в его комнате, обставленной совсем не «артистически»: письменный стол, два кресла, диван и полки, полки, полки с книгами — никаких кричащих афиш на стенах. Говорим о прошедших недавно съездах: он — о съезде кинематографистов, я — о съезде писателей, о своих будничных работах, и только о том, для чего приехал к нему сегодня, никак не решаюсь заговорить.

— У тебя что-нибудь случилось? — неожиданно спрашивает он, заметив, видимо, мою маяту. Пришлось признаться. Георгий пожал плечами: «А надо ли?».

Сказал он это без всякого кокетства. Но удалось убедить его, что «надо», что хорошо бы, если бы он дал просмотреть его почту...

Писем было множество, ему писали учителя и шахтеры, академики и школьники, молодые воины и ветераны — люди самых разных профессий и возрастов. Письма поражали своей искренностью и непоколебимой верой авторов, что их поймут, им ответят.

«Здравствуйте, Георгий Степанович!

Много раз мысленно писала я вам. Но как только бралась за перо — все слова казались тусклыми, а мысли ничемными и банальными.

И все же, как видите, решилась. Спасибо за тот урок пронзительной доброты, жертвенной любви и душевной красоты, которому обязана я внезапным взрослением сердца.

Мне было лет тринадцать-четырнадцать, когда я впервые увидела кинофильм «Человек, которого я люблю». И вот прошло уже двадцать лет, но до сих пор я считаю этот день днем рождения моей души. Спасибо вам за это.

Все, чем могу отблагодарить вас, — эти не совершенные стихи. Но они от чистого сердца. И если когда-нибудь вновь наберусь храбрости побеспокоить вас, то отошлю все, что когда-либо писала для вас.

Вот уже несколько лет работаю в милиции

Марина Александровна ЧОПЧИЦ.

с трудными и оставшимися без попечения подростками, хотя по профессии я хореограф. Работу свою очень люблю. Пожалуй, это и есть мое призвание. Хотя трудностей и сомнений вполне достаточно. Но кто же в этой жизни может обойтись без того и другого?

Всего вам самого доброго и светлого в жизни.

К письму было приложено несколько стихотворений, одно из которых вот такое:

Героев разных вы дарили зрителю.
Завидно долго их экранный стаж.
Но вот поднялся в небо удивительный,
По-жженовски надеждый «Экипаж».
И позабыв про мамин нотации,
С мундиров синих не свожу я глаз.
Все летчики гражданской авиации
Мне кажутся похожими на вас.

Кто знает, быть может, та «пронзительная доброта» и помогла автору письма найти свое

место в жизни, отдать все силы «трудным» подросткам, обделенным отцовской и материнской лаской!..

Не уверен, что знаменитая роль Тульева в «Ошибке резидента» и «Судьбе резидента» побудила какого-нибудь шпиона, действовавшего на нашей территории, с повинной явиться в соответствующие органы. Но убежден, что история русского человека, осознавшего свою вину перед Родиной, перед своим народом, — история, прожитая Жженовым на экране с такой драматичностью и сдерживаемой, рвущейся болью, стала уроком патриотизма для тысяч и тысяч зрителей, душу разбредила людям, доброе в них посеяла.

Наивно утверждать, что эпизодический образ инспектора ГАИ в «Берегись автомобиля!» характерностью своей затмил других героев этого почти классического комедийного киноповествования. Но ведь запомнился всем, покорила удивительным сочетанием служебной дисциплинированности, человеческой простоты, «свойскости», обаяния... Вот-вот, то самое слово, которое вкрупне с понятием «доброта» раскрывает секрет популярности Жженова, — «обаяние».

Емкое оно, это слово. Бывают внешние обаятельные циники, проходимцы, эгоисты...

Жженовское обаяние, лучшее и в драматических, и в зарисовочно-бытовых образах, созданных им на киноэкране и на сцене, всегда только со знаком «плюс», но никогда не слащавое, не конфитурное... Это обаяние сильного человека, мужчины, умеющего скрывать собственные душевные терзания, упрямо идти к истине, верить, что придет к ней, и нас, зрителей, в эту веру обращать.

Нет, о его деловых или военных героях не скажешь — «душа нараспашку». Но чувствуешь, каждый миг ощущаешь: и в дружбе, и в обстоятельствах житейских, что называется, в неофициальной обстановке они, его герои, раскроют вам сердце, одарят теплом, последним поделятся. Не потому ли однажды, вернувшись из поездки, Лида (Лидия Петровна — жена Жженова) застала дома телеграмму, адресованную Жженову: «Встречайте самолет пролетом Барнаула передадут посылку прикрепленной веткой калины будут ждать транзитных касс просим ветку положить могилу Шукшина алтайцы». Лида недоуменно пожала плечами — розыгрыш? А если нет? Посоветоваться было не с кем — Георгий находился на съемках, а времени оставалось в обрез. Лида на такси помчалась в аэропорт. У транзитных касс действительно ждали две женщины с

объемистым пакетом, к которому была прикреплена ветка калины...

Дома, распаковав посылку, Лида обнаружила небольшое письмо в ведре облепихи. В письме повторялась просьба о ветке калины, а облепиха презентовалась Жженову. Кончалось письмо фразой: «Уверены, что вы обязательно выполните нашу просьбу».

Конечно же, просьба была выполнена.

Вот такое письмо человеку, которого знают только по фильмам и спектаклям. И ведь пишут не герою фильма или спектакля, а человеку, создавшему образ. Таким человеком надо стать — это неподдельно. Это школа судьбы.

С Георгием Жженовым я познакомился в середине пятидесятых годов, когда Одесская киностудия предложила мне написать тексты песен для кинофильма «Исправленному верить», в котором снимался Жженов.

С тех пор прошло уже много лет, и памятными вехами в их череде — наши встречи, оставлявшие в душе радость. Поражает его пылкость ко всему происходящему в мире, его обязательность в отношениях с людьми.

Мне многое известно в его нелегкой судьбе. Не перестаешь восхищаться мужеством человека, сумевшего на крутых поворотах жизни сохранить незапятнанным достоинство личности, гражданина.

Георгий Жженов родился в 1915 году на Васильевском острове в Петрограде. Родители его были выходцами из крестьян Тверской губернии. Мать Георгия, Мария Федоровна, вышла замуж за вдовца Жженова Степана Филипповича, на руках которого уже было пять дочерей. Новая семья росла быстро, и вскоре в ней оказалось девять детей...

На Васильевском прошли детство и юность Георгия. Гонял в футбол, лазил с мальчишками по таинственным чердакам, куда кое-кто сносил после революции то, что могло скомпрометировать перед новой властью. И чего только не находили там восторженные пацаны: винтовки, шашки, револьверы, ящики с патронами, генеральские мундиры, эполеты...

Все это обнаруживалось потом в квартирах, стреляя и взрываясь в кухонных плитах, после чего появлялись суровые дяди в кожанках и в очередной раз выслушивали клятвы: «Дяденьки, больше не будем...»

В школе на переменах он носился по коридорам, пугая девчонок акробатическими номерами, и по поведению, что греха таить, получал с натяжкой «удовлетворительно».

После семилетки поступил в эстрадно-цир-

ковой техникум. Окончив его, работал в цирке со своим другом — тоже Жорой, почему и номер их (темповая, каскадная акробатика) назывался «2-Жорж-2».

На одном из выступлений его увидел режиссер Иогансон и пригласил сняться в немом фильме «Ошибка героя». Так в девятнадцать лет начался его путь в кинематограф. После фильма он понял, что необходимо учиться, чтобы стать настоящим актером, и поступил в Ленинградское театральное училище. Учился увлеченно, счастлив тем, что встретился с великодушным учителем — Сергеем Аполлинарьевичем Герасимовым...

Потом был фильм «Комсомольск», в который Герасимов взял своего ученика на роль Коли Маврина. Потом еще фильм, еще... Казалось, все определилось в судьбе.

И вдруг... Жженов оказался на Колыме, валил лес, таскал тачки по вязкой глине рудников...

Пишу об этом потому, что выросло новое поколение. Мы, помнящие или испытавшие на себе то, к чему привели когда-то отклонения, от норм партийной, демократичной жизни, догадывались, читая биографию актера, почему он оказался там. А молодые будут недоумевать: зачем артисту понадобилось податься в лесорубы? За «длинным рублем» что ли погнался?..

Жженов не озлобился, не очерствела его душа, не поколебалась вера в Родину и партию. Он вернулся в театр, много снимался. И сегодня, несмотря на семь десятков лет за спиной, живет непрерывной, истовой творческой жизнью...

Каждый раз, когда смотришь фильмы с его участием, узнаешь в его героях черты Бессонова из «Горячего снега» или Муромцева из незабываемого фильма «Человек, которого я люблю», кажется, что виделся с Бессоновым где-то на фронте, что Муромцев — старый знакомый. Переживаешь все происходящее с ними, и странно: все время кажется, что Георгий где-то рядом со мной, и мне хочется поделиться с ним своими чувствами. То же самое и в театре: вот зрелище, но куда-то исчезает бугафория, исчезают условности, на сцене — жизнь, правда ее, и в этой жизни действует, радуется и страдает человек, судьба которого отдается, резонирует в моей душе. И в каждом таком зрелище, помимо Жженова-актера, перевоплотившегося в Василия Забродина в «Ленинградском проспекте» или в Пальчикова в «Вечернем свете», незримо присутствует тот, другой Жженов, Жженов — человек редкостного обаяния и душевной чистоты.

Владимир КАРПЕКО.

● Народный артист СССР Георгий Жженов. Фото В. Питерского.